

Цзян Сяои подошёл к плетёной изгороди и заглянул во двор семьи Цянь, но никого не увидел. Зато из дома доносились громкие крики — жили они по соседству, так что слышно было отчётливо.

— Ты просишь у меня серебро, говоришь, мол, семье твоего тестя нужно строить дом, и ты должен сделать подарок. Я отвечаю, что денег в доме нет, и велю тебе продать зерно. И что в итоге? А ты, негодник, все вырученные деньги спускаешь на азартные игры! — Дядя Цянь колотил сына, Цянь Хуцзы, который, понуриив голову, молча сносил побои.

Старик Цянь с побагровевшим лицом сидел в стороне и, казалось, даже не думал вмешиваться.

Старший брат Цянь Хуцзы, видя, как свирепствует отец, пожалел младшего и хотел было замолвить за него словечко, но его жена, невестка Цянь, потянула его за рукав и метнула предостерегающий взгляд.

И о чём тут просить?

Если бы ей, невестке, подобало поднимать руку на деверя, она бы его давно огрела палкой.

Более ста цзиней зерна! Это почти целый лян серебра.

Пропало впустую, и за это не наказывать?

Да и что ему станется от пары тумачков?

Дядя Цянь, не прекращая бить, выкрикивал:

— Чему я учил тебя в детстве? Разве я учил тебя играть на деньги?

Цянь Хуцзы по-прежнему молчал, низко опустив голову, всем своим видом изображая раскаяние.

Дядя Цянь с силой влепил ему пощёчину:

— Отвечай, чему я тебя учил!

Глаза Цянь Хуцзы покраснели.

— Быть честным человеком, не играть, не красть, не...

— Ты всё помнишь! Так почему же ты сегодня играл? — допытывался отец.

Цянь Хуцзы рухнул на колени. Проиграв сегодня столько денег, он ощущал лишь панику и всепоглощающее чувство вины. Почти лян серебра! Экономной семье этих денег хватило бы на два года. А его семья, трудясь в поте лица, за весь год зарабатывала всего три-четыре ляна.

В голове у него был полный туман. Он не мог поверить, что всего за один день умудрился спустить девятьсот с лишним вэней, вырученных за зерно.

Он до сих пор помнил, как тяжело было нести утром два мешка с зерном. Если бы они оставили его дома, этого хватило бы на несколько месяцев еды. Теперь же он всё прокутил, да ещё и остался должен восемь лянов серебра...

Откуда в доме такие деньги?

Конец.

Охваченный раскаянием, он вцепился в штаны отца, и слёзы хлынули из его глаз.

— Отец, я... я просто помутился рассудком...

— Помутился? По-моему, ты просто пошёл по кривой дорожке! — Дядя Цянь сокрушался о двух мешках зерна; казалось, у него из груди вырвали кусок плоти, и сердце обливалось кровью. — Ты что, забыл, что стало с тем человеком из семьи Сюй из соседней деревни Люцзян?

Мужчина из семьи Сюй в деревне Люцзян когда-то жил вполне зажиточно. В семье было несколько сестёр и он, единственный сын, да ещё и почти десять му земли. Стоило ему проявить немного усердия, и он бы никогда не голодал.

Позже он женился, у него родился сын — настоящая семейная идиллия.

Но потом, неизвестно как, он пристрастился к азартным играм. Не прошло и трёх лет, как он не только продал всю землю, но и свёл в могилу своих родителей — они умерли от горя.

Если бы на этом всё закончилось... Но мужчина из семьи Сюй так и не раскаялся. Продав землю, он принялся за дом. Когда не стало и дома, он продал жену. В конце концов, так и не сумев расплатиться с долгами, он лишился руки — её отрубили люди из игорного дома.

Дожив до пятидесяти с лишним лет, он уже не мог играть. Сын ненавидел его и, разумеется,

отказался содержать. Ему негде было жить, и он построил себе хижину у подножия горы.

Когда не было еды, он ходил в город побираться. Весь грязный, заросший, одинокий и всеми покинутый. Однажды зимой, когда его долго не видели, люди пошли проверить и обнаружили, что он уже умер.

Никто не знал, когда именно. Он лежал на сгнивших досках, укрытый каким-то рваным, грязным и тонким одеялом, подобранным невзвестно где. Зимой было холодно, и мышам тоже нечего было есть. Хотя тело его ещё не начало разлагаться, грызуны уже обглодали ему половину лица — глаза, рот...

При жизни его презирали люди и чурались собаки, а после смерти он не обрёл достойного конца. Довести себя до такого состояния — воистину печальное зрелище.

Об этой истории знали во всех окрестных деревнях и часто приводили её в пример, поучая детей.

Именно из-за этого урока местные бездельники, хоть и слонялись по деревне, занимаясь мелкими кражами кур и собак, к азартным играм не прикасались.

Деревенские, идя на рынок, всегда обходили игорный дом стороной.

Цянь Хуцзы в прошлом видел того мужчину из семьи Сюй. Теперь, услышав слова отца и вспомнив его исхудалый, грязный облик с отрубленной рукой, он задрожал всем телом, и по спине пробежал холод.

— Отец, прости, я... я просто на время потерял голову, ударь меня!

Дядя Цянь не остановился и велел внуку принести палку.

Если сегодня как следует его не проучить, он не поймёт, чего стоит бояться, и в следующий раз может повторить ошибку.

Тот мужчина из семьи Сюй поначалу тоже играл по-мелочи, на несколько вэней. Родители не придали этому значения, думая, что это пустяки.

Постепенно ставки росли, от десятков до сотен вэней. Когда родители спохватились и попытались его остановить, он уже был зависим, словно одержимый. Как тут справишься? Когда он приходил домой за деньгами, а родители не давали, он начинал их бить.

Дядя Цянь не смел проявить мягкость.

Он боялся, что его семья повторит судьбу семьи Сюй.

Госпожа Цянь плакала, одновременно злясь на мужа и жалея его.

Дядя Цянь всю жизнь работал, и рука у него была тяжёлая.

Она бросилась к сыну и обняла его:

— Отец, не бей больше, Хуцзы всё понял.

Дядя Цянь, сверкая покрасневшими глазами, прорычал:

— Отойди!

— Отец, — возмутилась госпожа Цянь, — что толку его бить? Ты же знаешь характер Хуцзы. Почему он вдруг пошёл играть, ты даже не спросил, только и знаешь, что колотить его. Думаешь, ему самому сейчас легко? По-моему, ты и сам виноват. Если бы ты дал ему денег, разве такое случилось бы? Говоришь, в доме нет денег, кого ты обманываешь? Просто не хочешь тратиться на нашу, вторую ветвь семьи!

Все замерли.

Никто не ожидал, что госпожа Цянь скажет такое.

Грудь дяди Цянь тяжело вздымалась от гнева.

— Невестка, нужно иметь совесть!

— Жена, перестань, — попытался урезонить её Дядя Цянь, а Цянь Хуцзы только хотел было заступиться, но госпожа Цянь лишь громче закричала:

— Где тут нет совести? Каждый год после посадки риса и кукурузы ты отправляешь нашего Хуцзы в город на заработки, а старшего брата оставляешь дома присматривать за полями. Все деньги, что наш Хуцзы привозит, ты забираешь до последней монетки. А у нас за целый год на столе и куска мяса не бывает. Куда же уходят деньги, если ты говоришь, что их нет?

Государство Великая Чжоу облагало не только земельным, но и подушным налогом.

Соль для дома, подарки родне на праздники, лекарства для заболевших детей — разве на это не нужны были деньги?

Слова госпожи Цянь были поистине бессовестными.

Даже старик Цянь не выдержал, выхватил у сына палку и обрушил её на госпожу Цянь и Цянь Хуцзы.

Госпожа Цянь заголосила ещё громче.

Шум и крики в доме Цянь не утихали. Цзян Сяои, услышав начало ссоры, старался больше не прислушиваться, но это было почти невозможно.

Он примерно понял, что у них произошло.

Поросята были ещё маленькими и ели немного. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань нарвали полную корзину старых капустных листьев и, взявшись за руки, отправились домой.

— Сяоэр, Сяосань!

Кто-то окликнул их сзади.

Братья обернулись и от радости запрыгали на месте.

— А! Гэфу, это гэфу...

Братья бросились к Бай Цзыму.

— Гэфу, ты вернулся? — нежно пролепетали они.

— Угу! — Бай Цзыму погладил каждого по голове. — Скучали по гэфу?

— Скучали! — радостно ответили Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань. Увидев в его руках кусок мяса, они выпучили глаза так, что те едва не выскочили из орбит.

Мясо!

Только вчера ели, и сегодня опять?

С тех пор как приехал гэфу, они каждый день едят что-то вкусное. Какое счастье!

Двое малышей были на седьмом небе от радости. Взяв Бай Цзыму за руки с обеих сторон, Цзян

Сяоэр сглотнул слюну и, будто бы невзначай, спросил:

— Гэфу, мы сегодня вечером будем есть мясо?

Видя его сияющие глаза, полные ожидания, Бай Цзыму решил поддразнить его:

— Ишь, чего захотел. У нас дома поросята ещё маленькие, я купил это, чтобы их подкормить.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань застыли в изумлении:

— А? Кормить поросят мясом?

Цзян Сяосань почесал затылок:

— Гэфу, с каких это пор мы так разбогатели?

Бай Цзыму рассмеялся:

— Ни с каких. Просто три поросёнка в доме слишком худые, надо их откормить.

— А! Гэфу, — Цзян Сяосань нахмурил свои маленькие бровки, — ты что, с ума сошёл? У нас дома только один поросёнок! Почему ты говоришь, что их три? Ты глупее, чем Сяосань!

Бай Цзыму поперхнулся:

— ...Был бы я глупее тебя, разве твой старший брат обратил бы на меня внимание? Любил бы меня до смерти?

Услышав это, Цзян Сяоэр искоса взглянул на Бай Цзыму.

В тот день, когда Бай Цзыму водил их в город, они вышли из таверны «Фулай», и Цзян Сяоэр всё время оглядывался на Лю Хуцзы. Бай Цзыму спросил, на что он смотрит. Мальчик ответил, что Лю Хуцзы — плохой человек, он раньше обижал старшего брата и хотел побить младшего, очень плохой.

Бай Цзыму тогда рассмеялся и сказал, что Лю Хуцзы — умственно отсталый, и не стоит обращать на него внимания.

Цзян Сяоэр не понял, что такое «умственно отсталый», и переспросил. Бай Цзыму объяснил: «Такие, совсем глупые, тупые, как пробки, — это и есть умственно отсталые».

Цзян Сяоэр, вспомнив слова Бай Цзыму, снова искоса взглянул на него. Его губы шевельнулись, но он так ничего и не сказал, словно не решаясь.

Бай Цзыму шлёпнул его:

— Что такое? Хочешь что-то сказать — говори! Чего мнёшься? Настоящий мужчина должен быть как твой гэфу: прямой и смелый.

Слова эти воодушевили Цзян Сяоэра, и он тут же выпалил:

— Гэфу, может, старший брат не то чтобы любит тебя, а просто он... совестливый и сострадательный, заботится об умственно отсталых. Он ведь и младшего брата раньше жалел.

Мальчик говорил очень серьёзно:

— Отец тоже говорил, что младший брат немного глуповат, и велел мне больше любить его, не обижать, заботиться и учить. Гэфу, теперь и Сяоэр будет тебя любить.

— Точно! — сжал кулачки Цзян Сяосань. — И Сяосань будет заботиться о гэфу и любить его.

Бай Цзыму: «...»

Бай Цзыму лишился дара речи.

На работе устаёт мозг.

Дома устаёт сердце.

Эти два шурина... Назовёшь умными — так они намёков не понимают.

Назовёшь глупыми — а ведь умудряются довести его до белого каления.

Это мясо сегодня вечером точно пойдёт на корм свиньям.

Этим двум кроликам.

Цзян Сяои, зная, что Бай Цзыму скоро должен вернуться с работы, вышел его встретить. Не успел он дойти до двери, как увидел Цзян Сяосаня, который с маленькой корзинкой за спиной пулей влетел в дом.

— Что случилось? Куда так несёшься?

— Гэфу взбесился и дерётся! — хихикая, прокричал Цзян Сяосань и, даже не сняв корзины, спрятался в комнате, накрепко заперев за собой дверь.

Цзян Сяои вышел наружу и увидел Бай Цзыму, который в правой руке держал прутик, а левой тащил Цзян Сяоэра. На шее у Цзян Сяоэра болтался большой кусок жирного мяса, а на лице сияла счастливая улыбка.

Бай Цзыму, преследуя Цзян Сяосаня, тащил его за собой так, что тот чувствовал себя летящим по воздуху, и это было очень весело.

Дойдя до двери, Бай Цзыму шлёпнул его по попке и отпустил. Он посмотрел на Цзян Сяои:

— Где этот крольчонок Сяосань?

Цзян Сяои с улыбкой снял мясо с шеи Цзян Сяоэра.

— Спрятался в доме. Как прошёл день на работе?

Бай Цзыму вошёл за ним в дом.

— Нормально.

— Устал? Тебя никто не обижал? — с беспокойством спросил Цзян Сяои.

— Кто посмеет меня обидеть! — хвастливо заявил Бай Цзыму. — Я же у них главный. Правда, Лю Хуцзы наговорил на меня управляющему.

Во время обеденного сна он спал одним ухом, а другим слушал. Он всё отчётливо слышал, о чём говорили Лю Хуцзы и управляющий Чжао.

— А! Это серьёзно? — Лю Хуцзы был устроен на работу по протекции отца невестки, который, как говорили, был в хороших отношениях с управляющим. Цзян Сяои забеспокоился, что управляющий Чжао, поверив словам Лю Хуцзы, может предвзято отнестись к Бай Цзыму и уволить его.

— Ничего страшного, старик Чжао не дурак, — ответил Бай Цзыму и, услышав плач из соседнего двора, с любопытством указал туда и тихо спросил: — У дяди Цянь кто-то плачет? Что случилось? Госпожа Цянь умерла?

Цзян Сяои недовольно шлёпнул его.

— Вечно ты глупости говоришь. Не боишься, что она услышит и опять на тебя накинется?

Бай Цзыму рассмеялся:

— Я работы не боюсь, так её, что ли, испугаюсь? Не будь я мужчиной, она бы у меня давно пощёчину получила и улетела. Чего смеёшься? Не будь у меня добрый нрав и хороший характер, у тебя бы сейчас тоже зубов не хватало. Вечно только и знаешь, что хихикать.

Цзян Сяои покраснел от смеха. Бай Цзыму никогда бы его не ударил. Отсмеявшись, он тихо прошептал ему на ухо о том, что случилось в семье Цянь, и в конце предостерёг:

— Ты смотри, не играй. Азартные игры до добра не доводят.

Бай Цзыму почесал затылок.

Он и без азартных игр всякую нечисть повидал. Но играть действительно нехорошо. Когда он сидел в тюрьме, полицейские им говорили: откажитесь от порнографии, азартных игр и наркотиков. Если ввяжешься в одно из этих трёх, то легко можешь разрушить семью и потерять близких.

Он не собирался нарушать закон.

— Слышал? — переспросил Цзян Сяои.

Бай Цзыму кивнул:

— Слышал. Я не играю, не волнуйся. Я ведь целеустремлённый молодой человек, такими делами не занимаюсь.

Работа управляющего была и лёгкой, и сложной одновременно, потому что приходилось заниматься всем подряд.

На кухне зарезали курицу, а у неё задница какая-то плоская, выглядит ненормально. И вот повар приходит и спрашивает: готовить эту курицу или нет?

Бай Цзыму тогда потерял дар речи.

Ну, может, у курицы было недоразвитие, и зад у неё не очень аппетитный. Ну и что?

Разве от этого её мясо станет менее вкусным?

Всеми этими мелочами ведал управляющий, и это было чертовски утомительно.

Бай Цзыму несколько дней «учился» у управляющего и быстро разобрался в том, как устроена работа таверны.

Управляющий Чжао, видя, как быстро он всё схватывает, на один день оставил его за главного. В итоге за весь день Бай Цзыму справился со всем играючи, никаких проблем не возникло. Управляющий Чжао с улыбкой хлопал его по плечу и хвалил.

Весь тот день Бай Цзыму травил байки с постояльцами, а под конец рабочего дня управляющий Чжао похвалил его, сказав, что он молодец и у него большое будущее. Бай Цзыму был в недоумении, он так и не понял, за что его так хвалят.

От похвалы управляющего Чжао ему даже стало немного неловко.

На следующее утро Цзян Сяои с двумя младшими братьями провожал Бай Цзыму на работу. У околицы они столкнулись с несколькими мужчинами свирепого вида, шедшими им навстречу.

Один из них, с насупленными бровями, остановил старика и грубо спросил:

— Эй, дед, подскажи, где тут живёт семья Цянь?

По их виду было ясно, что это какие-то бандиты, и они ищут семью Цянь...

Бай Цзыму сразу понял, в чём дело.

Цзян Сяои, заметив, как он нахмурился, спросил, что случилось. Бай Цзыму тихо ответил:

— Боюсь, у семьи Цянь будут проблемы.

И действительно, когда Цзян Сяои с братьями возвращался домой, ещё не дойдя до конца деревни, он услышал плач из дома Цянь. На этот раз выли не только дядя Цянь, но и невестка Цянь с госпожой Цянь. Двое детей старшей ветви семьи спрятались в доме, боясь выйти, а вокруг двора собралась толпа зевак.

Дом семьи Цянь был разгромлен, во дворе царил хаос. Двое мужчин держали Цянь Хуцзы, а дядя Цянь и старик Цянь стояли на коленях, умоляя о пощаде.

— Что здесь происходит? — тихо спросил кто-то.

Цзян Сяои наострил уши, чувствуя беспокойство.

— Цянь Хуцзы в азартные игры проигрался, должен больше десяти лянов серебра.

— Что? Цянь Хуцзы играет? Не может быть!

— Как это не может? — возразил кто-то. — На днях старший брат Цянь приходил к моему отцу занять триста вэней. Отец спросил, что у них случилось, и я слышал, как дядя Цянь сказал, что Цянь Хуцзы проиграл восемь лянов серебра.

— Восемь лянов? Вот же грех! Как можно было столько проиграть? У него что, деньги лишние?

Первая женщина, заговорившая, посмотрела во двор и, понизив голос, сказала:

— Это Цянь Хуцзы сам сказал. Я-то откуда знаю!

Сначала долг действительно составлял восемь лянов.

Но у семьи Цянь не было такой суммы сразу. За последние два года они скопили всего шесть лянов. Раньше было больше, но госпожа Цянь два года назад устроила скандал, требуя, чтобы ей построили новый дом, так как дети выросли и им неудобно жить всем вместе.

Дядя Цянь предложил, чтобы их сын Гоуцзы жил в одной комнате с двумя сыновьями старшей невестки, но госпожа Цянь не согласилась и настояла на строительстве нового дома. Но если строить для младшего сына, то и для старшего тоже нужно, иначе тот обидится.

Так, на строительство двух домов ушла часть сбережений, и теперь у них осталось всего шесть лянов. Позавчера они заняли у кого могли, но едва наскребли семь с небольшим.

Сегодня пришли люди из игорного дома. Старик Цянь отдал им деньги, но один из них, лишь взглянув, с презрением швырнул их на землю:

— Так мало? Ты что, нищему подаёшь? За кого ты нас, братьев, принимаешь?

— Господин, умоляю, дайте ещё несколько дней. Как только я соберу нужную сумму, сразу же вам отнесу, хорошо? — умолял старик Цянь. Он был худым, в преклонном возрасте, с седыми висками. Сейчас, сгорбившись и стоя на коленях, он вызывал у всех жалость.

Цянь Хуцзы не смел даже поднять головы, уткнувшись лицом в землю, полный раскаяния.

Собравшиеся во дворе смотрели на это с тяжёлым сердцем, сочувствуя беде семьи Цянь.

Староста деревни пытался замолвить за них слово:

— Молодой человек, семья Цянь — люди честные. Они эти дни пытались собрать деньги, не специально тянули. Но вы сами видите, в каких они условиях живут. Восемь лянов серебра — это большая сумма, им негде её взять сразу. Дайте им ещё несколько дней. Как только соберут, сразу же вам принесут, как вы на это смотрите?

Громила окинул старосту взглядом с ног до головы:

— А ты кто такой?

— Я староста этой деревни.

Должность старосты, конечно, не бог весть какая, и на деревенских она производила впечатление, но приезжим на неё было плевать.

Однако семья Цянь действительно была бедна. Пока они шумели в доме, он успел заметить, что внутри одна рухлядь, а из ценного — разве что полбанки соли на кухне.

Дальнейший шум был бессмыслен. Сегодняшний визит был лишь для того, чтобы дать понять семье Цянь, что игорный дом — это не шутки, и не стоит даже думать о том, чтобы не вернуть долг или сбежать.

Громила хмыкнул:

— Ладно, сегодня я окажу тебе услугу. Только вот ты ошибся. Не восемь лянов, а тридцать.

Что?

Семья Цянь и зеваки во дворе остолбенели, издав коллективный вздох ужаса.

Тридцать лянов? Откуда такая сумма?

Это...

Это же смертный приговор!

Даже у самой богатой в деревне семьи Лю, владевшей наибольшим количеством земли, вряд ли нашлось бы столько денег.

Госпожа Цянь даже плакать перестала, она словно окаменела, обнимая сына и тупо глядя перед собой.

Дядя Цянь повернулся к Цянь Хуцзы:

— Второй, в чём дело? Ты же говорил, что должен восемь лянов! Ты опять солгал? Ты хочешь свести меня и отца в могилу, да?

— Отец, я не лгал, было восемь лянов! — Цянь Хуцзы попытался вырваться, получил два удара, но, не обращая на них внимания, посмотрел на громилу. — Брат Бао, вы, должно быть, ошиблись, я не должен столько денег!

Громила рассмеялся:

— Ты и не должен столько.

Госпожа Цянь было вздохнула с облегчением, но громила продолжил:

— Остальные двадцать два ляна — это проценты. — Он присел на корточки и похлопал Цянь Хуцзы по щеке. — Лучше поторопись собрать деньги. Чем дольше тянешь, тем больше будешь должен.

В игорных домах проценты росли как на дрожжах.

— И не думайте бежать! — громила посмотрел на госпожу Цянь и предостерёг: — Монах сбежит, а храм останется. Если ты сбежишь, твоя жена и семья, боюсь, пострадают.

Лицо госпожи Цянь стало белым как полотно.

Она действительно подумывала о том, чтобы Цянь Хуцзы сбежал в другой город, а когда всё уляжется, вернулся бы. Тридцать лянов — они действительно не могли вернуть такую сумму.

Но она не ожидала, что её мысли прочитают.

Взгляд брата Бао заставил её покрыться холодным потом.

Брат Бао много лет работал в игорном доме и всякое повидал. Были те, кто, не имея возможности расплатиться, продавали зерно, землю, а потом и детей. Если и это не помогало, они сбежали.

Влияние игорного дома было ограничено, и если человек сбежал, они ничего не могли

поделать, приходилось смириться с убытками.

Но большинство людей не уходило всей семьёй. Их корни были здесь, земля, которая их кормила, тоже здесь. Неграмотный крестьянин, сбежав в чужой город, скорее всего, умер бы с голоду.

<http://bllate.org/book/13701/1593500>